

1. Хождение на Фрушскую гору

Александр Шего

Его мать была русской.
Его отец был сербом.
Ему пришлось стать толмачом –
Переводить между матерью и отцом.

Мы восходили с ним
На святую Фрушскую гору.
Мы бродили с ним
От монастыря к монастырю.

По дороге он учил меня
Читать сербские книги:
Как написано – так и читай,
Как задумано – так и говори.

В одной обители нам посчастливилось
Побывать на крещении младенца.
В другой обители мы полюбовались
Торжественным обрядом венчания.

«Боюсь, что в третьей обители
Мы окажемся на отпевании», –
Мрачно пошутил он,
Переводя дыхание.

И тогда мы пошли в вертоград,
Что раскинулся между церквями,
Лакомиться голубым виноградом,
Собирать ореховую опадь.

«Опавший орех подобен слову, –
Толковал мой переводчик, –
Его надо нащупывать подошвой,
Как нужное слово – языком».

Возвращались мы с Фрушской горы
Поздним осенним вечером.
В моей переметной суме
Позвякивал грецкий словарь.

«Славный выдался денек, –
Подумалось на прощанье, –
Я научился читать по-сербски
И переводить с грецкого».

Пантелеймоновская церковь
в Старо-Хоповском монастыре

В Карловцах мы возлагали венок
К памятнику Савве Рагузинскому.
Оратор назвал это действие
Бегством от забвения.

Воистину: мы бежали от забвения,
Как бежали древние иудеи
От египетского фараона
В поисках земли обетованной.

Я вспомнил, что тоже колесил
В поисках таинственной мызы,
Некогда подаренной Петром I
Доблестному Савве Рагузинскому.

Эта финская мыза Матокса
Затерялась в карельских лесах
На обочине окольной дороги,
Ведущей к Санкт-Петербургу.

И вот я разыскал дивный луг,
Обрамленный лесным орешником.
Когда-то здесь высился храм,
Что построил хозяин мызы.

А теперь высокая трава
Заполонила священное пепелище.
И лишь чудесный золотой венец
Сиял над ней в утренней дымке.

Я пошел через эти заросли,
Раздвигая стебли руками.
Предо мною предстал деревянный крест,
Осененный солнечным венцом.

А с другой стороны луга
Двигался навстречу косарь,
И высокая трава забвения
Падала к его ногам.

Приблизившись, он сказал мне:
«Бог даст, храм восстанет из праха,
А пока пусть хранит это место
Святой православный крест».

Когда мы возлагали венок
К памятнику Савве Рагузинскому,
Моя спутница вдруг обмолвилась:
«Венок сербы называют венцом».

Памятник Савве Рагузинскому
в Сремски Карловцах

ЛУНА ГЕННАДИЯ АЙГИ

Луна Геннадия Айги –
Сына грозного гунна –
Сияла щитом победным,
Медным горела огнем.

Ее ореол, обрамленный
Синих бус сединою,
Затмевал своим блеском
Белых коней грозы.

Она так ярко светила,
Что в темном-темном поле
Пламенили ледяные свечи,
Снежные звенели бубенцы.

Они навевали сновиденье,
А дурак в колпаке потешался:
«Куда, куда же вы мчитесь?
Ведь сон – тут, а виденье – там!»

И луна падала в колодец
Заговоренным алтыном,
Желая на дне укрыться,
Забиться подземным сном.

Приходило к колодцу время,
Беззубо шамкало днями,
Денно-нощно, денно-нощно
Ворошило по дну кочергой.

«Золотая луна гуннов! –
Во мгле колдовали мгновенья. –
Подари хоть немного света,
Лампочку под потолок!»

Но зря ворожило время,
И мгновенья тшились напрасно:
Как лед, раскололось отраженье,
Чистый замутился родник.

«Ха, ха, ха! – хохотал до упада
Дурак в колпаке бубенцовом. –
Посмотрите, что вы натворили:
Теперь сон – там, а виденье – тут!»

И привиделось: в темном небе
Сияет щитом победным,
Медным огнем пылает
Луна Геннадия Айги.

А вокруг седого ореола
Бродит святой Авраамий,
Сквозь булгарские бури
Благословляет крестом.

И слышен молитвенный шепот
В белом Воскресенском храме:
«Как снег Господь что есть,
Как снег Господь что есть,
Как снег Господь что есть,
Помилуй, Господь, меня!»

ЦЫГАНСКИЕ МОТИВЫ

(из Мюнхгаузена)

1. Как родился мой брат

Была шальная темная ночь.
Сильный дождь барабанил
По натянутому полотну брезента.
Вращаясь, правое колесо телеги
Пронзительно скрипело.
Я сидел в повозке и плакал,
Потому что плакала моя мать.
В повозке стоял дикий холод –
Он сквозил из дыры в брезенте.
Я выглянул в ночную тьму
И услышал, как капли дождя
Пузырились в дорожных лужах.
Мой отец покуривал трубку,
Что сегодня украл у крестьян
В соседней деревеньке,
Где течет тихая река.

Моя мать закричала, и родился мой брат.
Отец хлебнул крепкой сивухи,
И лунный луч сквозь дыру
Блеснул на бутылке.
Наша лошадь по кличке Тивадар
Медленно побрела дальше,
И правое колесо все так же скрипело,
Когда катилось по лужам
Грязной проселочной дороги.

2. Как мы отдыхали

Мы сидели в трактире
И смотрели в заляпанное оконце,
Где скучивались грозовые облака.
За столом сидел крестьянин
И без конца бахвалился собой,
Своим домом и своей женой.
Его жена прядла белый лен,
Качая зыбку с ребенком.
А он был доволен тем, что
Вовремя собрал в поле урожай
Накануне грядущей зимы.
У него была взрослая дочь,
Что приглянулась одному молодцу –
После Рождества намечалась свадьба.

Рядом сидел другой крестьянин –
Его желанья оказались скромнее.
Он мечтал о том, чтобы
Ивовые прутья были дешевыми,
А плетеные корзины – дорогими,
Чтобы розы в его палисаднике
Цвели чудесным цветом,
Чтобы заготовленных дров
Хватило на всю зиму.
Особенно он радовался тому,
Что в его доме раздавался смех
Шестерых ребятешек.

Тут отец надел на Тивадара
Потертую конскую упряжь,
Мать прижала к груди брата
И села на солому в повозке.
Я пошел рядом с телегой,
Считая деревья вдоль дороги.
Одно дерево стояло на краю канавы,
Заполненной дождевой водой.

Дождь вымыл почву под ним,
Его корни оголились,
И на них бессильно повисли
Красные и желтые листья.
Я подумал о крестьянах,
О разных домах и судьбах,
И обернулся взглянуть на трактир:
В оконцах светился вечер,
И синий дым струился из трубы.
Внезапно упали первые капли,
Начиналась страшная гроза –
Мне кажется, я заплакал.

3. Как убили Немца

Немец любил мою сестру.
Она носила красные платья
И красные кораллы на плечах.
На перепутье мы остановились,
И Немец поссорился с моим отцом.
Отец толкнул его в костер –
Кипяток из опрокинутого котелка
Ошпарил молодую кожу.
В ярости Немец задушил старика
И закопал под ясенем,
А потом затянул песню
На своей старой скрипке.
Моя сестра сначала завывала,
Затем иступленно захохотала,
И поплелась к нашей телеге.
Всю долгую-долгую ночь
Мы молча пили темное пиво.
А Немец не пил ничего –
Только водил смычком по струнам.
Его скрипка плакала и стонала,
И билась в диких рыданиях.

Как только взошло солнце
Над каменистым взгорьем
И осветило пшеничные поля,
Раскинутые вдоль леса,
Немец закрепил на Тивадаре
Расхлябанное дышло,
И мы поехали по дороге
Прочь от могилы отца,
Что освятили пивом.

Телега Немца тряслась впереди,
В ней царила странная тишина,
Лишь иногда дребезжала скрипка,
Висевшая на деревянном ободе
Под полотном брезента.
А когда наступил вечер,
Мы обнаружили Немца мертвым.
Его отравила моя сестра,
И проклятую скрипку
Она бросила сверху в яму,
Где зарыла его тело.

ЗАВЕТ БЛАЖЕННОГО МАГНУСА

*Сказание о том, как однажды
финский путешественник Элиас Лённрот
отправился на русский остров Валаам,
где посетил монастырское кладбище,
и что потом из этого вышло.*

Я отправился однажды
По дороге корабельной
Через Ладожское море
В Валаамский монастырь.

Поклонился там святыням
Под крестовым сводом синим,
А затем побрел смиренно
На ухоженный погост.

Вот и белая ограда
Монастырского кладбища,
Где на башенках старинных
В трубы ангелы трубят.
Плещет Ладога волною,
И трепещет клен листвою,
А на бугорках могильных
Блещут камушки вокруг.

И под камушком под каждым
Прах покоится священный:
Здесь прославленный игумен,
Там послушник, там монах.
А в глухом углу еловом
Под окатышем лиловым
Возлежит блаженный Магнус –
Шведский доблестный король.

Был окатыш зацелован
Синей ладожской волною,
Был окатыш околдован
Русской вязью расписной:
«Вместо царской диадимы
Удостоился я схимы
И, три дня прожив под схимой,
Упокоился навек».

Я спросил седого старца,
Говорившего по-фински:
«Поясни мне эту надпись,
Расколдуй чужую вязь!»
Мне сказал седой отшельник:
«Каждый ведает насельник
Это древнее сказанье,
Эту вековую быль».

Жил да был на свете Магнус –
Шведский доблестный воитель:
Что ни день сражался в битвах,
Что ни день сверкал мечом.
Как-то раз с огромным флотом
Он пошел на Русь походом,
Хотя клялся и божился
Не ходить вовек сюда.

Но не знал клятвоступник,
Что на русском Валааме
Уже били накануне
Вещие колокола,
А монахи сквозь тревогу
Без конца молились Богу,
Призывая успокоить
Своевольника сего.

Их горячие молитвы,
Их сердечные стенанья,
Их неистовые слезы
Услыхал, конечно, Бог.
Возмущенный шведской бранью,
Он взмахнул своею дланью,
И на парусники шведов
Непогоду ополчил.

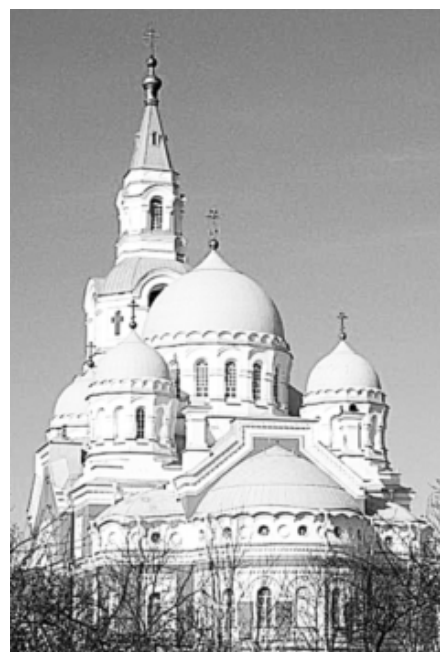
В небе молния блеснула,
Гром обрушился ужасный,
И над ладожской пучиной
Сильный ветер заиграл:
Он развеял над волнами
Эти лодки с парусами,
И разбил, играя, в щепки
Королевскую ладью.

Лишь одна доска осталась
От разбившегося судна –
С боковым кольцом железным
Просмоленная доска.
И, меняя перевозку,
За спасительную доску
Ухватился, уцепился
Перепуганный король.

День и ночь в морской купели
Волны бурные кипели,
День и ночь в морской купели
Сильный ветер не стихал.
Сжалилась Господня сила:
Доску к берегу прибила.
Это был венец спасенья –
Русский остров Валаам.

Милосердные монахи
Вознесли тут пилигрима
В Валаамскую обитель
И постригли в чернецы.
Вместо царской диадимы
Удостоился он схимы
И облекся в черный куколь
И наплечный аналав.

Освящен святым крещеньем
И молитвою наставлен,
Разразился покаяньем
Шведский доблестный король:
– Ах, зачем на Русь Святую
Я ходил напропалую,

Валаамский монастырь

Евгений Водолазкин и Евгений Лукин. Белоостров. Лето 2020 года

Ах, зачем на русских братьев
Меч из ножен вынимал?

Заповедал он отныне
Шведским рыцарям и прочим
Заниматься мирным делом,
А не ратным ремеслом.
И, оставив на прощанье
Смертное рукописание,
Схимонах блаженный Магнус
Душу Господу вручил».

Завершил сказанье старец,
Вековую быль окончил,
И в тумане валаамском
Растворился на глазах.

*Могила схимонаха Григория
(короля Магнуса) на Валааме*

И в глухом углу еловом
Над окатышем лиловым
Я один стоять остался,
Размышляя о былом.

Думу долгую я думал
О завете королевском,
И решил, что надо делать,
Как советует король.
И отправился стараться –
Мирным делом заниматься:
Собирать по свету руны
Калевалы дорогой.

ЛУКИНИАНА

Евгений ВОДОЛАЗКИН

Посвящение Евгению Лукину

Сижу ли, задумчив, у окна,
Вычитываю ли, скажем, верстку,
Нет-нет да и вспомню Е. Лукина –
Писателя, толмача и тезку.

Потому что и я, и Е. Лукин –
Оба скромны и неброски.
Пьем водку, не отвергаем джин,
Пишем лесенкой –
по-маяковски.

Николай ГОЛЬ

Говорю на вечере у Жени я,
Не лукава и рубя с плеча,
Что Лукин родился для ужения
Слов из Иппокренова ключа.

Чтобы музой овладеть летучею,
Не нужны ни меч, ни лук иным,
Что вполне наглядно видно в случае
С тем же самым Женей Лукиным.

Рамкой окантованные мысли
Я вручаю прямо в руки – на!
Чтоб они дизайнерски повисли
На стене у Жени Лукина.

Николай РОМАНЕЦКИЙ

То не чай от чайника зависит,
То не птички рвутся в синеву...
Это Женя, убежав со Свадьбы Рыси,
Без приказа двинул Танки на Москву.

То не в поле цветет молодой чернотел,
То не хлеба грызется краюха...
То Лукин, будто ангел полночи, летел
Сквозь пространство из русского духа.

То не варвары без роду и без племени,
То не в злую волю выродился страх...
Это Женя стол покрыл холстом
из времени,
Чтоб стаканы не скользили на пирах!